

«мы» («Наше поколение», «Коммунизм» и др.).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Попов Л.А. Жду дней встречи. Стихи-песни (на якут. яз). – Якутск, 1943. – 60 с.

2. Попов Л.А. Утро над Леной. Стихи и поэмы. – М.-Якутск, 1953. – 160 с.

3. Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение: Учеб. пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсалнек и др.; Под ред. Л.В. Чернец. 2-е изд. Перераб. и доп. – М., 2006. – 680 с.

УДК 821 161

Карасева Э.Л.

Московский государственный колледж
информационных технологий

**ПРАВОСЛАВНЫЕ МОТИВЫ В РОМАНЕ
В.П. АСТАФЬЕВА «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ»***

Аннотация. В статье прослеживаются православные мотивы в романе В.П. Астафьева «Прокляты и убиты», определяющие его идейно-художественное своеобразие. Евангельские реминисценции, обращение к Божественной силе способствуют выявлению трагического начала в произведении и составляют одну из специфических сторон его поэтики: особенности сюжета, авторскую интонацию, автобиографическое начало, ценностную ориентацию героев, образ природы.

Ключевые слова: автор, произведение, традиция, трагедия, мотив, духовный.

E. Karaseva

ORTHODOX MOTIVES IN A BOOK
BY V. ASTAFIEV'S NOVEL "CURSED AND
KILLED"

Abstract. Orthodox motives determining ideological and artistic peculiarities of "Cursed and killed" by V. Astafiev could be found in the article. Evangelical motives found in reminiscences and appeals to God help to reveal tragic bases of the book as well as form the author's poetic manner peculiarities that is plot and composition features, images of nature, author's intonation as well as his autobiographical principles and character value orientation.

Key words: author, work, tradition, tragedy, motive, spiritual.

Известно, что вся русская литература представляет собой непрекращающийся процесс богоискания, стремление к духовному прозрению. Путь человека к Богу сокрыт

от посторонних глаз, и у каждого он свой. Довольно трудно, а подчас невозможно художникам в полной мере отразить духовную жизнь человеческой души.

Вера как добровольный акт признания Божественной воли во многом определяет слагаемые такого сложного процесса, как мироощущение. В.П. Астафьев не был верующим в том традиционном понимании, которое вкладывают в него последователи христианского учения. Совесть, любовь, добро положены в основу православной религии; эти же непреходящие ценности и отстаивал писатель в своих книгах. В его романе «Прокляты и убиты» запечатлён целый ряд обращений к Высшей силе. Поэтому возникает необходимость проследить, как религиозно-философские аспекты повлияли на идейную направленность книги.

Несмотря на то что писатель – выходец из народной среды, он не смог преодолеть внутреннего разлада на пути обретения веры, многими исследователями отмечалось неоднозначное к ней отношение (см., например, Г. Фаст [1], О.Н. Гайдаш [2], И. Золотусский [3], А. Варламов [4] и др.). Современники В.П. Астафьева утверждали, что писателю «трудно было приобрести глубокий и молитвенный духовный опыт, но всё компенсировалось его честным писательским словом» [1, с. 174].

Судьба художника вобрала в себя историю всей страны. Разрыв между интеллигенцией и церковью, наметившийся ещё на заре XX века и упрочивший свои позиции в советское время, повлиял на мировоззрение прозаика. В историю взаимоотношений ду-

* © Карасева Э.Л.

ховной элиты и незыблемыми постулатами церкви вмешался «конфликт личной веры и титульного <...> вероисповедания» [2]. Но именно в военные годы В.П. Астафьеву открылось важнейшее понимание того, что «на этой земле есть силы превыше нашей власти и воли, они больше нас, дальше нас, и не мы ими, а они повелевают нами, они сложнее того, чем мы обладаем и что ощущаем, они за пределами нашего разума» [5]. Признание ведущей силы, карающей и созидательной, не подвластной человеку, определило трагическую тональность романа. Так, в финале первой книги «Чёртова яма» говорится о том, что каждый уходящий на фронт боец думал о предназначении свыше, что за этим сияющим солнцем «есть сила столь могущественная, что перед нею всё земное слабо и беспомощно» [6]. Божественная сила предопределяет судьбу каждого, является средоточием света духовного, которое предполагает внутреннюю напряжённую работу человеческой души.

Не пережив сложных эволюционных процессов в отношении к религии, автор «Проклятых и убитых» в беседах последних лет признавался: «В высшую силу я сейчас верю, помогает она мне ... А с попами не выходит ... делают они хорошее дело, а на исповедь всё-таки к ним не пойду. Я уж сам как-нибудь. Может, христианин я плохой, может, и совсем никакой, а детское всё так и храню по-детски – бабушка, белая рубашка, священник в нарядном – это как-то навсегда церковь для меня и есть, лучшее в ней» [7]. О.Н. Гайдаш считает, что в творчестве В.П. Астафьева «религиозные переживания не являются плодом его размышлений. Это просто образы, впечатления, особенно детские, болезненные переживания старости, да и всего его <...> горького жизненного опыта» [2, с. 616].

В.П. Астафьеву удалось «увидеть следы религиозного первообраза, отражённого в массовом сознании» [2, с. 617] и воплотить это в произведениях, несмотря на то что в начале 90-х годов у писателя наметился мировоззренческий надлом, отразивший крайне противоречивые взгляды художника по отношению к вере после написания «Проклятых и убитых». Он был вызван не только крушением социально-политической системы, ломкой нравственных ориентиров в постсоветской России, но и изнуряющей работой над главной его книгой о войне. В это непростое для него время В.Я. Курбатов призывает писателя-фронтовика «поглядеть Божиим

взглядом: к чему было всё это и что выросло в человеке из такой беды, а что загинуло без следа» [8]. Из такой великой беды, как война, нельзя выйти прежним, о чём В.П. Астафьев позже писал: «Там, на плацдарме, осталась половина меня – моей памяти, один глаз, половина веры, половина бездумности, и весь полностью остался мальчик, который долго во мне удобно жил, весёлый, глазастый и неунывающий ...» [8, с. 21]. Писатель «впервые сказал нестерпимое, что с войны вообще нельзя вернуться» [9]. Вот здесь-то и важно обращение к Богу как к спасающей и дающей надежду силе на возрождение, ведь «человеческим умом таких узлов не развязывают» [8, с. 384].

Лейтмотив «Проклятых и убитых» В.П. Астафьева – проблема отношения человека к Богу. Открывают обе книги романа «Чёртову яму» и «Плацдарм» эпиграфы – евангельские изречения. Пророческое слово Святого апостола Павла к первой части носит упреждающий характер: «Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, что бы вы не были истреблены друг другом» [6, с. 7]. Эпиграф от Матфея напутствует вторую книгу, подчёркивая её идейную направленность: «Вы слышали, что сказано древним: «Не убивай. Кто же убьёт, подлежит суду». Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду...» [6, с. 310]. Не случайно писатель подчиняет обе части произведения выдержкам из Евангелия, поскольку основная идея романа видится в отказе людей от традиционного христианского начала, за что они и «прокляты и убиты»: «Отменили Его (Бога) в России, выгнали, оплевали» [6, с. 470].

По мысли Н.А. Бердяева, богоотступничество целой страны после Октября – величайший грех, ведь «самый большой, самый предельный трагизм есть трагизм в отношении человека к Богу» [10]. Бог задумал мир гармоничным, а человека – творцом, созидателем добрых и славных дел на земле. Пренебрежение заповедями Всевышнего, война и любое проявление вражды приносят в этот мир хаос, разрушая при этом природу и суть человеческого естества.

Подзаголовки книги второй «Плацдарм», вероятно являются отсылкой к библейскому сюжету о сотворении мира. Писатель выделяет семь дней военных будней: несколько дней переправы – и столько жизней унесла война! Эта реминисценция о семидневном сроке подводит читателя к незамыс-

ловатому выводу: за это время Бог сотворил мир, а на плацдарме за этот же срок воцарил-ся ад.

По мнению исследователя Т.М. Вахитовой, «образ Христа как высшая этическая идея является у Астафьева критерием жизни, исторических событий, человеческого поведения» [11]. Поскольку искоренены многовековые традиции русского народа, необходимо опереться на христианские ценности. У Астафьева Бог – безусловное требование нравственного закона в каждом. За что прокляты Богом? За то, что отступили и забыли Его вследствие навязанных России революций, кровавого сталинского режима, чудовищной братоубийственной войны. Н.А. Бердяев в своё время подчёркивал: «Отвергнуть Бога и Богочеловека – это значит вместе с тем отвергнуть человечество и человека как идею Божью» [12], поскольку «всякий народ в массе своей никогда не жил и не может жить иначе, как религиозно, <...> никакой материализм не может удовлетворить его потребность в высших основах жизни, в высшей санкции» [12, с. 276]. В послании Святого апостола Петра говорится: «Итак Он для вас, верующих, драгоценность, а для неверующих камень, который отвергли строители, но который сделался главою угла, камень преткновения и камень соблазна, О который они преткнутся, не покоряясь слову, на что они и оставлены» [13].

Тема возмездия, Божьей кары появляется в книге «Плацдарм». В сценах переправы гибель советских солдат на реке не окупается даже высшей целью – спасением города, откуда пришла мессианская вера. Как замечает Т.Л. Рыбальченко, «не произошло повторения ветхозаветного спасительного расступления вод, когда еврейский народ перешёл по дну и покинул гонящий мир» [14]. В послевоенное время эту землю, «кровью пропитанную» [6, с. 763], «покроет толстой водой нового, рукотворного моря и замочит песком, затащит илом белые солдатские косточки» [6, с. 763]. Подвиг обесценен, защитники отечества прокляты и забыты. В послании к римлянам Святого апостола Павла сказано: «Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков» [13, с. 363]. «Проклятие» в том, что всякий, совершающий злодеяние, может быть, в свою очередь убит, – и это справедливо, так как человек задуман для созидательной жизни в гармонии с миром, с душой, с Богом – хранителем нравственного закона» [15].

В финале второй книги отвоёван Днепр и святая земля, где почти тысячу лет назад свершилось великое действие – крещение народа. но в конце романа прозрения героев, катарсической развязки в романе нет. По мнению Н.М. Щедриной, «пессимистический взгляд писателя в течение всего повествования не даёт нам права говорить о том, что автор следует до конца духовным традициям христианства» [15, с. 103]. В романе нет того, что удлиняет перспективу человеческого мироощущения. Н.А. Бердяев, анализируя природу русского богоискательства, писал: «Окончательное освобождение может быть только богочеловеческим, и окончательная радость возможна лишь в Боге» [12, с. 265].

Центральный образ романа – советские воины-защитники Великой Отечественной войны, «наши, российские парнишки, братья <...> по богову завету» [6, с. 207]. По убеждению Н.М. Щедриной, для героев романа высший судья видится немилосердным, отвернувшимся от войны: «Нету Бога. Иль не слышит Он нас. Отвернулся. <...> Был бы Бог, разве допустил бы такое?» [6, с. 215]. Но, несмотря на кажущееся равнодушие Создателя к тем, кому выпали нечеловеческие испытания, на страницах произведения В.П. Астафьева всё чаще звучит мысль о возрастающем религиозном сознании бойцов Красной армии. После чудовищного убийства братьев Снегирёвых старообрядец Рындин всю ночь молился, многие «незаметно крестились» [6, с. 214], «и старшина Шпатор, забывший все мирские буйства, всё окаянство жизни, пробовал молиться, хотел воскресить в себе божеское, крестясь в своей каптёрке» [6, с. 214].

Расстрел братьев Снегирёвых – один из самых трагичных эпизодов романа, связанный с мыслью о спасении, о Божьей милости: «И было до этого ещё мгновение, было ещё краткое время надеяться, обманывать себя, была ещё вера в чудо, в пришествие кого-то и чего-то» [6, с. 210]. После расстрела Коля Рындин обвиняет в убийстве исполнителей «высокоидейного воспитательного мероприятия» [6, с. 201]: «Бога!.. Бога!.. Он покарат! Покарат!.. В геенну!.. Прокляты и убиты... Прокляты и убиты!» [6, с. 212]. Писатель не случайно доверяет именно ему проговорить название произведения, в основе которого – строки из старообрядческой стихир. Нравственная высота, обретенная Рындиным, достигнута лишь благодаря религиозному воспитанию, полученному в своей семье.

Старообрядчество, являясь разновидностью православия, исповедует то, что веками закреплено в народной памяти, пусть даже официальная церковь его не признавала.

Многие герои В.П. Астафьева в романе «Прокляты и убиты» отрекаются от безверия, навязанного коммунистической идеологией, соотносят свои поступки с нормами веры, при этом не рассуждая ни о Христе, ни о религии вообще. Финифатьев, один из бойцов, признаётся: «Разве б возлюбил я так ближних своих, сторону родную, небо, землю, белый свет, весну-красну, лето зелёное, осень золотую, не изведав разлуки, не приняв страданья?» [6, с. 659]. Проявление любви, окрыление ею, благоговейное чувство ко всему земному – это и есть назначение человека, это и есть следование заповедям Божиим. Бог для воюющих – единственная надежда на спасение в экстремальной ситуации войны. В жизнь людей постепенно, пока ещё скупно возвращается слово Божье. Солдаты обращаются за поддержкой именно к Коле Рындину, знающему молитвы.

Майор Зарубин на войне «часто теперь стал вспоминать Бога и божественное» [6, с. 337], даже вспомнил стихотворение Дм. Мережковского «Христос воскрес! – поют во храме». Прощание старшины Шпатора с солдатами выдержано в духе православной традиции. Расставание как просьба о прощении: «Простите меня, дети, простите!.. Чем прогневал ... чем обидел ... Не уносите с собою зла... С Богом!» [6, с. 299]. По христианскому обычаю троекратно расцеловался с ротным. Вся гамма оттенков эмоционального состояния передана исключительно отчётливо. Финифатьев, озарённый предсмертными муками, причащается горчайшим раскаянием: «Гад я распоследний, и смерть мне гадская от Бога назначена, оттого что комсомольчиком плевал я в лик Его, иконы в костёр бросал» [6, с. 682].

В астафьевских произведениях последних лет исследователи выделяют идею душевного покаяния. «Вообще, мотив раскаяния как следствие душевного раскола – один из важнейших в творчестве писателя» [2, с. 617]. Архимандрит Афиноген подчёркивал, что «осознание своей греховности – драгоценный христианский дар» [16], скорбящий о своих грехах человек отличается от безбожного, через покаяние «становится «Христовым»» [16, с. 329]. В библейском послании Святого апостола Петра сказано: «Некогда не народ, а ныне народ Божий; некогда непоми-

лованные, а ныне помилованы» [13, с. 340]. В русском человеке ощущение нравственного долга, нравственной высоты крайне обострено, что и возвращает его к истокам веры. Прощаясь с Лёхой Булдаковым, Финифатьев «распухшими пальцами, не складывающимися в щепоть, неуверенно крестил его вслед» [6, с. 682].

В.П. Астафьев поставил цель, далёкую от сиюминутных интересов, от мелких споров десятилетий – говорить о человечестве, «о том общем организме мира, который судим не историей, а Богом, где начинается новый язык и новое небо» [9]. «Прозаик хотел судить мир Божиим судом, перед которым войне нет оправдания, <...> само сердце, генетика русская просила христианской оценки войны» [9]: «Боженька, милый, за что, почему Ты выбрал этих людей и бросил их сюда, в огненно кипящее земное пекло, ими же сотворённое? Зачем Ты отворотил от них Лик Свой и оставил Сатане на растерзание? *Неужели вина всего человечества пала на головы этих несчастных, чужой волей гонимых на гибель?*» [6, с. 393] (курсив мой. – Э.К.).

Размышляя не только о России, но и о судьбах мира, В.П. Астафьев задаётся извечным вопросом: «Почему такие же смертные люди <...> посылают и посылают себе подобных на убой? Ведь это ж выходит, брат брата во Христе предаёт, брат брата убивает» [6, с. 335]. Автор говорит о людях, которые несут «переходящее проклятие» [6, с. 470] из поколения в поколение. В.П. Астафьев пытается отыскать ту точку отсчёта, с которой и начинается проклятие. Оно берёт начало с предательства, с «незащищённой, братьями преданной жизни» [6, с. 470].

Без Бога страна – «чёртова яма», в которой советский солдат теряет человеческое достоинство, тогда и происходит обезличивание души, её расчеловечивание. Людей «притиснула к холодной стене их безбожная сила и порча, были они ещё в младенчестве вместе с родителями согнаны со двора в какую-то бессмысленную, злую круговерть, в бараки, в эшелоны, в тюрьмы, в казармы» [6, с. 71]. Авторская позиция ясна и очевидна: люди в России «до безверья дойдя, сами себе подписали приговор на вечные муки» [6, с. 111]. Вот и не допускает Господь молитву Коли Рындина «до высоты небесной, карает его вместе со всеми ребятами невиданной карой, голодью, вшами, скопищем людей, превращённых в животных» [6, с. 111]. Советская власть, по мысли В.П. Астафьева, разрушила вековые

представления народа о правде, труде, искоренила извечные христианские заповеди: «не убий», «не укради», «не сотвори себе кумира».

Неудивительно поэтому, что автор «Проклятых и убитых» принципиально не ищет различия между воюющими сторонами. Бог один – и для русского, и для немца. Несмотря на то что на немецких пряхках написано «С нами Бог», это не мешает им совершать насилия и убийства – противохристианские деяния. Но среди немцев были разные люди. Фашист Лемке в минуту опасности творил молитву, уповал на Бога, надеялся на то, что зачтутся ему славные дела и доброе сердце, ведь «у добра везде и всюду один-разъединственный язык, который понимает и приемлет каждый Божий человек, зовущийся братом» [6, с. 696]. Немец «не раз перевязывал русских раненых в поле, не единожды разломил с ними горький солдатский хлеб, оросил страждущих водой, оживил Божьей кровью – сладким вином» [6, с. 696]. Писатель подчёркивает изначальную духовную связь русского и немца, связь по Христу. На войне Лемке начал постепенно осознавать жестокость, чудовищную ненависть своих соотечественников по отношению к славянским народам, поскольку «они же всё-таки из древней, пусть вечно воюющей, но в Бога верящей культурной страны. Они же всё-таки не одних фридрихов и гитлеров на свет произвели, но и Бетховена, и Гёте, и Шиллера» [6, с. 696]. Не все забыли о Боге, и не случайно Лемке спасает русская старая женщина.

Ещё в древней Руси существовал обычай: воины, отправляясь в дорогу, обязательно прибегали к молитве, исповедовались, причащались; верили, что, если погибнут, то их души примут ангелы и отнесут в царство вечного блаженства. Примечательно, что саму молитву автор романа не приводит, а в самом конце «Чёртовой ямы» появляется русская женщина, которая от имени всех матерей крестит уходящих на фронт сынов-защитников. Она, провожая бойцов, «размашисто, будто в хлебном поле сея зерно, истово крестила войско вслед – каждую роту, каждый взвод, каждого солдата осеяла крестным знаменем <...> по обычаю древлян, по заветам отцов, дедов и Царя Небесного, напутствуя в дальнюю дорогу, на ратные дела, на благополучное завершение битвы своих вечных защитников» [6, с. 308]. Молитва исходила из самого её сердца, которого хватило на всех. Этот мотив русской земли, русской

женщины, благословляющей воинов, в «Чёртовой яме» вмещает в себя несколько моментов, которые во многом определяют особый мировоззренческий фон авторского повествования. Выдержанные в традициях православного христианства, они сплетены в финале в единый символический узел – символ Родины, России, матери-земли. Этим эпизодом автор подчёркивает значимость и важность священного действия. Пройдёт совсем немного времени, и некоторые из них обретут веру в своих, пока ещё не окрепших сердцах. Защищать родину армия уходила, будучи некрещёной; эту великую миссию в романе выполняет русская женщина.

На страницах романа звучит мотив воскресения, связанный с темой хлебного поля. Мать-земля выполнила веление Бога: из чудом возникшей травинки появилось зёрнышко, а затем – колосок. Человек «в поисках хлеба насущного» [6, с. 238], выделив его среди прочих, создаст своими руками целое поле таких колосьев. Хлебный росточек «прикрепит человека к земле, а каждый год спелыми хлебами шумящая пашня наградит его непобедимой любовью к хлебному полю, ко всякому земному растению, ко всякой живой душе» [6, с. 239], «пробудит в нём потребность перенять из природы звуки, превратить их в музыку <...> – так создавалась душа человеческая. Творя хлебное поле, человек сотворил самого себя» [6, с. 239]. Писатель верит в то, что «пока есть хлебное поле, пока зреют на нём колосья – жив человек и да воскреснет человеческая душа, распаханная Богом для посевов добра, для созревания зёрен созидательного разума» [6, с. 241].

В гимне хлебному полю – творению человеческих рук – звучат мысли о непреходящих ценностях родной земли, природы, земледельческого труда, семьи. В.П. Астафьев обращается к библейским образам «зерна», «хлеба насущного», используя при этом лексику из Библии: «и да воскреснет», «сеятель». И всё это ради того, что идея воскресения может быть осуществлена в человеке только через принятие в себе богоначала. «Война временна, поле вечно» [6, с. 241], – заключает автор, противопоставляя вечное и сиюминутное. Вопреки чудовищным испытаниям, народу удаётся сохранить систему ценностей при смене политических доктрин, ведь испокон веков он черпал силы в православии. В русском народе сокрыты великие возможности. Н.А. Бердяев, размышляя об этом, подчёркивал, что «замысел Божий о нём

остаётся и после того, как народ пал, изменил своей цели и подверг своё национальное и государственное достоинство величайшим унижениям» [12, с. 106]. Философски можно расценить суждение В.Я. Курбатова в связи с высказанной им мыслью, что «христианство через *крест-янство* у всех у нас в крови вплоть до последнего атеиста» [8, с. 128].

Православная традиция в современной литературе – это утверждение христианской системы ценностей. В произведении отразилось личное понимание веры, воплощена надежда на возрождение мира через путь к Богу. Отступничество от Бога – трагедия, которая не закончилась и продолжает приносить свои горькие плоды. Страна, в которой жизнь строилась на христианских принципах, в которой уклад бытия во многих своих проявлениях был взращён Православием, должна всё же возродиться. В.П. Астафьев апеллирует к человеческому разуму, призывая следовать принципу человечности, на котором основано учение Создателя.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Фаст Г. С ним уходит вся эпоха // Сб-к «И открой в себе память...»: воспоминания о В.П.Астафьеве: материалы к биографии писателя. – Красноярск, 2008. – С. 174-175.
2. Гайдаш О.Н. Отражения православного мироощущения в творчестве В.П.Астафьева // Дар слова: Виктор Петрович Астафьев: (к 85-летию со дня рождения). – Иркутск, 2009. – С. 617.
3. Золотусский И. Прокляты и воскрешены // Литературная газета. – 1995. – №11. – С. 192.
4. Варламов А.Н. Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века. Дисс... канд. филол. наук. – М., 1997.
5. Астафьев В. Затеси // Астафьев В. Печальный детектив. – Екатеринбург, 2003. – С. 464.
6. Астафьев В, Прокляты и убиты. – М., 2005. – С. 306.
7. Цит. По:Кураев М.Н. Виктор Астафьев и конец крестьянской Руси // Дар слова: Виктор Петрович Астафьев: (к 85-летию со дня рождения). – Иркутск, 2009. – С. 621.
8. Крест бесконечный. В. Астафьев – В. Курбатов: Письма из глубины России. – Иркутск, 2002. – С. 384.
9. Курбатов В.Я. Слово при вручении В.П. Астафьеву премии А.И. Солженицына // Псковская губерния. – 2009. - №15. – 22 – 28 апреля.
10. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. – М., 1993. – С.353.
11. Вахитова Т.М. Народ на войне (Взгляд Астафьева из середины 90-х. Роман «Прокляты и убиты») // Русская литература – 1995. – № 3. – С. 25.
12. Бердяев Н.А. О русских классиках. – М., 1993. – С. 266.
13. Новый Завет. – М., 2009. – С. 339.
14. Рыбалченко Т.Л. Мотив погружения в воду в прозе В.П. Астафьева // 4 Астафьевские чтения в Красноярске: национальное и региональное в русском языке и литературе. 12-13 сентября 2006 г. – Красноярск, 2007. – С.57.
15. Щедрина Н.М. Проблема трагического в романе В. Астафьева «Прокляты и убиты» // Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века: Сб-к мат-лов 1 Международной научной конф., посвящённой творчеству В.П. Астафьева. 7-9 сентября 2004 года. – Красноярск, 2005. – С. 101-102.
16. Великие старцы двадцатого столетия. – М., 2007. – С. 329.

УДК 820.П.03

Куликова Е.В.

Московский государственный
университет печати

«ЧЕВЕНГУР» А. ПЛАТОНОВА В ОЦЕНКЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КРИТИКИ 1980-1990-Х гг.*

Аннотация. Статья посвящена особенностям восприятия романа Андрея Платонова «Чевенгур» представителями англоязычной критики А. Тески и Т. Сейфрида.

Рассматриваются такие аспекты, как влияние философских учений Н. Федорова, политической ситуации в Сталинской России, биографии писателя на творчества Анд-

рея Платонова в целом и на роман «Чевенгур» в частности.

Ключевые слова: русская литература, критика, англоязычная критика, Андрей Платонов.

E. Kulikova

ANDREY PLATONOV'S «CHEVEN-
GUR» IN ENGLISH-SPEAKING LITERARY

* © Куликова Е.В.